

НАШ разговор с народным артистом РСФСР Леонидом Марковым состоялся в его гримерной в Театре им. Моссовета.

Кого только не сыграл Марков за три десятилетия своей актерской жизни! Арбенин в «Маскараде» и граф Орлов в «Царской охоте», Порфирий Петрович в «Петербургских споведаниях» и Федя Протасов в «Живом трупе». А галерея портретов наших современников!

Марков — актер широкого диапазона. Ему под силу образы героические и характерные, трагические и комические. Особенно удаются ему люди, ищущие истину, находящиеся в разладе с собой.

— Леонид Васильевич, в каком возрасте вы решили стать артистом?

— Ни в каком. Наоборот, я ни за что не хотел, но меня отец заставил. Семья наша из деревни. Отец был избачом (заведовал избой-читальней), потом стал актером в Саратовском театре им. Карла Маркса. Мы с сестрой Риммой буквально выросли в театре, потом окончили в Вологде театральное училище, в Москву поехали. Теперь она играет в Театре киноактера, а я — в Театре им. Моссовета.

— Как вы оцениваете себя как актера?

— Худ я или хорош — не знаю. Но знаю, для чего на сцену выхожу: чтобы рассказать, что я как художник своим чувством, разумом, нутром своим понял. Что дважды два — не четыре, как всегда думали, а пять. И две параллельные прямые — сходятся. Где-то далеко за горизонтом, в бесконечности, но сходятся! А то некоторым все почему-то ясно и понятно. У таких людей не люблю. Иногда мне их жаль: не они же виноваты, что у них все просто, без проблем. Им не о чем задумываться, не приходится сомневаться.

— А вы часто в себе сомневаетесь?

— Очень. Меня могут хвалить, а я знаю, что сыграл плохо. Или наоборот, все ругают, а я в душе уверен: хорошо. Вот как с «Живым трупом». Мой Федя Протасов многим не нравится: трактовка необычная. Но я знаю, что Лев Николаевич сказал, и сыграл я — только это. Прежние исполнители: И. Берсенев, М. Романов, Н. Симонов — те подчеркивали любовь Федя к цыганке Маше. А у Толстого Федя страдает именно из-за любви к жене, Лизе. И основной треугольник не Маша —

уважаемая, главная в театре. Но я так считаю: или ты — режиссер, или — актер. Сразу того и другого не бывает. Когда-то давно был случай: репетировали мы спектакль. Что-то не шло, режиссерски не выстраивалось. А я свою роль хорошо понимал, как мне казалось. Начал давать советы другим актерам — влез не в свое дело. Им помог, а о своем герое забыл.

— Вы работали со многими режиссерами в театре, кино и на телевидении. Кто понравился особенно?

● ИНТЕРВЬЮ «МК»

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Федя — Лиза, а Федя — Лиза — Каренин. Наша трактовка ближе к Толстому, естественней, но не всем понятна. Я сам спектаклей двадцать отыграл, прежде чем понял, как надо делать Федю. И то процентов на 60, а до 100 и не дойду, наверное.

— Большинство ваших персонажей — люди отрицательные, если определять их по системе «плюс-минус». Как вы к ним относитесь?

— Мне их жаль. Я — не судья им, скорее — адвокат, поскольку исследую, почему они такие.

Ведь они же не считают себя окончательно пропащими. Они говорят себе: ну, еще погуляю, еще поживу в лапы, а потом шабаш — образумлюсь. В таком человеке я не рублю канаты, а играю надежду на выход, на то, что все изменится.

— Многие ваши собратья по профессии пробуют себя в режиссуре. А вы?

— Нет, ни за что. Режиссер — фигура

— Мой любимый режиссер — Юрий Александрович Завадский. Очень интересно было с Анатолием Эфросом. Когда-то давно его приглашали поставить в Театре Моссовета «Турбазу» Э. Радзинского. Нашего театра он не знал и говорил языком, нашим актерам не понятным, то есть какие-то вещи он считал очевидными, не нуждающимися в пояснении. А для нас это не разумелось само собой, поэтому «имелись отдельные трудности».

— Кого из актеров любите?

— Гафта. С ним мы снимались на телевидении в голливудских «Игроках» и в кинофильме «Гараж». Еще очень люблю Калягина.

— А из «прекрасного пола»?

— Талызину. Великолепная характерная актриса (в ролях героинь мне нравится меньше). Еще Терехову. Только у нее характер...

— А как у вас с характером?

— По-моему, в порядке. Считаю себя мягким, контактным. С режиссерами не конфликтую никогда, слушаюсь. Разрешают — предлагаю что-нибудь свое. Если режиссер берет мою придумку, предпочитаю оставить его во мнении, что он сам это нашел. Ведь раз он согласился со мной, значит, это совпадает с его видением.

Последняя моя театральная работа — роль Егора Булычова. Взялся за нее без охоты, а потом даже полюбил своего Булычова — странного человека, милого и жуткого одновременно. Он понял, что умирает, и рассчитывается со всеми. Это вызывает симпатию, уважение. В сцене, где ко мне подходит мошенник с трубой и предлагает меня вылечить своим шарлатанством, я заставляю его трубить изо всей мочи. Тут прибегают мои домочадцы и подозревают, что я сошел с ума. Но мне надо, чтобы зритель не считал меня ненормальным. Я попросил режиссера Павла Осиповича Хомского, чтобы сделали большую люстру. И вот я взбираюсь на эту огромную люстру, раскачиваясь на ней и ору: «Сади во всю силу!» Когда все кричат, что я помешался, зритель-то понимает, что я их дурачу, издеваюсь. Я благодарен Хомскому, что он пошел мне навстречу.

— Что вы думаете о своей профессии?

— Наше актерское дело — странное; не проверишь, как сделано, — нет ОТК. Но все могут судить нас: и те, кто понимает, и кто ни капли не смыслил. Надо быть самодомом, но и этого мало. Только тогда актер становится Актером, когда знает, чем он живет и чем расплачивается за свое право выходить на сцену.

Беседу вела Светлана НОВИКОВА.